

Колмогорова Наталья Ивановна

СТРАННАЯ САША

Саша странная, а странных у нас не любят.

Как можно любить пришельца из космоса, от которого не знаешь, чего ожидать? Летом Саша носит калоши на босу ногу, а зимой – бурки и пальто с чужого плеча. Ходит Саша, перекатываясь с ноги на ногу, как утка. Завидев встречного, спешит перейти на другую сторону улицы, чтоб не встренуться ни словом, ни взглядом.

Тело у Саши круглое, пышное, как у сдобной булочки, и сколько Саше лет, одному Богу известно...

Однажды я столкнулась с Сашей нос к носу, она испугалась, шарахнулась в сторону, а я удивилась безмерно. На лице женщины, испещрённом неглубокими морщинами, выделялись голубые, слегка выцветшие, но по-детски наивные глаза. Они смотрели на окружающий мир удивлённо, словно не понимая, что на самом деле вокруг происходит.

На моё «здрасьте» Саша негромко выдохнула:

- Господи!

И поспешила скорее уйти.

Со странной Сашей и её мужем Колей никто, проживающий на нашей улице, не дружит, не лушит семечки на скамье возле дома, не горланит песни по праздникам. Известное дело, почему! Странных у нас не чествуют, а может быть даже брезгуют. С высоты своего благополучия ох как непросто снизойти до ущербного человека, встать вровень с ним, наладить хоть какие-то, мало-мальски человеческие отношения.

Муж Саши, Николай – полная противоположность. Он похож на кочергу – сухопарый, сгорбленный, с задубелой от загара кожей, пропахший «самосадом» и давно нестиранным бельём.

Сашины кошки, к неудовольствию соседей, тенью шастают по соседским дворам в поисках пропитания. Летом ещё ничего, мышковать можно, а зимой – беда! У одних соседей вяленую воблу перетаскали, что хозяева развесили сушить под навесом. У других повадились кормиться комбикормом, запаренным для поросят. Когда от голода сводит живот, тут уж выбирать не приходится...

Второй год пошёл, как переехали из глухой деревни в наш райцентр Саша с мужем, да так чужаками и остались. Не прижились. Да и вряд ли теперь приживутся! На фоне относительного благополучия они - как бельмо в глазу, как гвоздь - в колесе автомобиля.

Добротный пятистенник Сашиной семье купил Сельский Совет. Толстый лысый председатель, поставив гербовую печать на документ, отмахнулся от Саши, как от назойливой мухи – «выкарабкивайтесь дальше сами!»

Саша карабкаться не умела – что не дано, то не дано! Да и кому они с мужем нужны – два пенсионера с мизерной пенсией?

Нищета – что болото, так затянет, так выверотит человека наизнанку, что не выкарабкаешься! Сначала у Саши в доме газовую трубу отрезали, за неуплату, а Коммунальное хозяйство забросало счетами за долги по водоснабжению. Хорошо, что единственный сын Гришка на работу в магазин устроился, грузчиком, долг за воду потихоньку смогли отдать...

А намедни вся улица не могла уснуть, потому как Сашина собака всю ночь скулила и подвывала так, что душа волновалась, предчувствуя беду. Утром, ни свет ни заря, соседка Петровна не выдержала, пошла ругаться с Сашей и разбираться, что к чему.

- Вы нелюди, что ли? Вот полицию вызову, будете знать, как нарушать покой граждан!

Саша только улыбалась в ответ детскими своими глазами, сложив руки на пышной груди, обтянутой старым трикотажным платьем. А собаки, словно защищая хозяйку, рвались с цепи, готовые растерзать непрошенную гостью. Шум, крик, лай!

- Голодные оне, вот и лают, - улыбается Саша.

- Накорми, коли голодные! – в сердцах кричит Петровна.

- А нечем кормить, пенсию ишшо не принесли, - простодушно отвечает Саша. – Вот Гришка возвратится с магазина, может костный фарш принесёт для собачек.

Соседка глянула на Сашу, как на чокнутую, обречённо махнула рукой, и ушла ни с чем. Сытый голодного не разумеет...

Следующей ночью улица спала спокойно. Собаки не лаяли, видать, Сашиному сыну выдали зарплату костным фаршем. Грузчики – они в негласном рабстве у хозяина магазина, сколько выдаст зарплату – то и слава Богу!

С другой соседкой, бабкой Серафимой, что живёт справа, приключилась не менее неприятная история. Кошка Муся, любимица и красавица Серафимы, загуляла ни с того ни с сего с Сашиным котом. Животинке ведь не объяснишь, что есть рамки приличия, и с кем попало водиться не стоит! Кот у Саши худой, облезлый, потрёпанный жизнью, как сама хозяйка, но весь из себя брутальный, как принято сейчас говорить.

Кошка Муся Сашиного кота не побрезговала, и несколько дней кряду пропадала на чердаке Сашиного дома. Пропадала – громко сказано, потому как кошачьи вопли были слышны за версту.

Серафима вся испереживалась на нет! На улице, несмотря на март-месяц, мороз со студёным ветром, а Муся и в ус не дует, и возвращаться домой не собирается. Серафима, потерявшая покой, явилась к Саше:

- За Мусечкой я пришла. Слышу, на чердаке вашем свадьбу устроили...

Саша улыбнулась радостно-голубоглазо, закивала в ответ, после полезла на чердак, кошачью свадьбу разогнала, а гулёну Мусю вернула хозяйке.

- Сколько же у тебя кошек? – поинтересовалась старуха, поглаживая любимицу.

- Тепереча осталось пяток, две кошечки пропали. А было семь.

- Зачем такую ораву держать?

«Самим есть нечего» - хотела добавить Серафима, но вовремя сдержалась.

- Найдёныши, - опять улыбнулась Саша. – Рыжуху около мусорки осенью подобрала, а Чернушку – в лесу, когда за грибами ходила. Народ нынче «добрый», убить кошку рука не подымается. Везут в лес, думают: авось выживет. Разве кошка выживет зимой в лесу? Чудные люди... И мои кошечки сдохли бы от голода или околели, а теперича у них дом есть.

- Всех не обогреешь, не приласкаешь, - пробурчала Серафима, прижала Мусю к груди и пошла восвояси.

Саша посмотрела грустно ей вслед, прошептала «Осподь с тобой» и тихо прикрыла калитку.

Муж Николай, в отличие от жены, за всё время, как поселились в наших местах, ни с кем из соседей парой слов не обмолвился, не говоря уже о дружеских отношениях. Передвигается Николай быстро, почти бегом, словно постоянно куда-то опаздывает. Бывает, зыркнет на соседей чёрным глазом, молча кивнёт в знак приветствия и прочь бежит. Словно боится, что с ним заговорят, нарушат невидимую границу.

Зимой, когда морозы совсем одолеют, наденет Николай старую фуфайку, потрёпанный малахай, возьмёт санки и куда-то засеменит по скрипучему от мороза снегу. Ближе к вечеру, когда холодное солнце станет ластиться к горизонту, вернётся Николай домой с добычей, еле тягая за собой тяжёлые санки. На санях – всякая рухлядь, старые автомобильные покрышки, полусгнившие чурбаки, картонные коробки.

Спустя час-полтора – глядь! – уже и дым валит из трубы Сашиного дома, чёрный и крутой, словно после атомного взрыва. Благо дело, печка в доме кое-какая имеется, а то не перезимовать бы ни Саше, ни её кошкам. Ни за что не перезимовать!

На пару дней, выкроенных из отпуска, к бабке Серафиме приехал из города внук. Сели чаёвничать, разговоры вести – как там житьё в городе, какие цены, когда любимый внук, наконец, женится. За окном – ранние зимние сумерки, мороз трещит, а в доме тепло, уютно, Муся мурлычет рядышком, чайник

посапывает, ходики тикают.

Внук Серафимы поглядел в заиндевелое окно, удивился:

- Ба, а это что за чудик?

- Где?

- Да вон же! В лёгкой куртке, без варежек, так и обморозиться недолго.

- А-аа, так это Сашкин сын, Гришка. Он грузчиком в нашем магазине работает.

- Отчего же он полураздетый ходит? Закалённый?

- Да какое там – закалённый! У них, внучок, и кушать-то не всегда найдётся. И газ отрезали за неуплату.

- Ну, это прошлый век какой-то! – возмутился внук. – А вы-то по-соседски почему не поможете?

Бабка Серафима промолчала и отвернулась к окну.

Внук подорвался, открыл комод и, пошарив на полках, вытащил содержимое наружу. По комнате поплыл запах нафталина и плесени.

Серафима внуку не перечила, наблюдала молча, как он перебирает вещи, что годами хранились в шкафу.

- Это вот моя старая куртка, вполне ещё хорошая... А это дедова шапка-ушанка... Ба, снеси пацану! Гришка, кажется, зовут? Пусть носит.

- У меня ишшо носки шерстяные есть, две пары, новые совсем, - беззубо улыбнулась бабушка Серафима.

- И носки неси, - улыбнулся в ответ внук. – Откуда у нас новые соседи объявились? Я про это ничего не знаю.

- Бабы сказывали, погорельцы они. В какой-то глухой деревне домик свой имели, хозяйство. Пожар случился, когда в избе, кроме младшего сына, никого не было. Так и сгинул в огне мальчонка... Жалко! Не успели спасти мальчишку, вот горе какое приключилось. А Сельсовет дом им прикупил, сюда они и перехали.

- Странные всё-таки вы люди, - тихо сказал внук Серафимы. – Вроде бы живёте на одной улице, а словно бы чужие друг другу.

Бабка Серафима обиженно надула губы:

- А разве ж в городе не так, внучек? Разве ж по-другому?

- Так, бабуля, так...

Саша пыталась растопить старенькую печь, но та не поддавалась. То ли дрова оказались сырыми, то ли тяга в трубе напрочь отсутствовала.

В дверь осторожно постучали.

Пропуская в избу змейку холодного воздуха, порог переступил незнакомый молодой человек. Модная куртка-дутьш, шапка-ушанка, на ногах – унты.

- Здравствуйте, тётя Саша.

Саша испугалась нечаянного гостя, слегка отпрянула, машинально заслонив лицо ладонью, как от яркого света.

- Я к вам по поручению волонтерской организации «Доброе слово».
 - Кто? – глупо улыбнувшись, переспросила Саша.
 - Волонтеры. Не слышали про таких? Впрочем, это не важно... Возьмите, пожалуйста, пакет. Вам просили передать. Тут теплые вещи и немного денег. Саша словно приросла ногами к половицам, стояла недвижимо, не шелохнувшись.
 - Тут вещи для вашего сына Гриши, - немного смутившись, добавил Серафимин внук.
 - Для Гришеньки? – улыбка вдруг вспыхнула на лице Саши, глаза засияли.
 - Для Гришеньки... Извините, мне на автобус пора. До свидания!
- Молодой человека, слегка ударившись о низкую притолоку, шагнул в сени. Саша тихонечко опустилась на табурет и, глядя на еле-еле занявшийся в печи огонь, перекрестила входную дверь и одними губами прошептала:
- Господи, спаси и сохрани.